

УДК 93/94. 908

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ПОРЕФОРМЕННОЙ ДЕРЕВНИ ПОВОЛЖЬЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗЕМСКИХ
СТАТИСТИКОВ**

**PROBLEMS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE VILLAGE
IN THE VOLGA REGION AFTER THE REFORM IN THE RESEARCH
OF ZEMSTVO STATISTICIANS**

© *Лёвин С. В.*

*д-р ист. наук, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
г. Балашиов, Россия, serg.lewin@yandex.ru*

© *Lyovin S. V.**Dr. habil.*

*Chernyshevsky Saratov national research state university
Balashov, Russia, serg.lewin@yandex.ru*

Аннотация. Весомый вклад в изучение социально–экономического положения крестьянских хозяйств внесли земские статистики. Они проделали колоссальную работу в этом направлении. По мнению автора, данные земской статистики наиболее полно и достоверно отражали изменения, происходившие в пореформенной деревне. Они показали, что капитализм в аграрном секторе развивался крайне неравномерно.

Abstract. A weighty contribution to the study of the social and economic position of peasant households was made by zemstvo statisticians. They did great work in this direction. According to the author's opinion, the data of zemstvo statistics reflected the changes happening in the village after the reform in the fullest and most accurate way. They showed that the capitalism in the agrarian sector was developing exceptionally unevenly.

Ключевые слова: губерния, земство, крестьянское хозяйство, статистика, уезд.

Keywords: gubernia, zemstvo, peasant household, statistics, uyezd.

Вторая половина XIX — начало XX веков — период интенсивного социально–экономического развития императорской России. Отмена крепостного права открыла простор капиталистическим отношениям, которые быстро проникали в промышленность и, несколько медленнее, в сельское хозяйство. В рыночный оборот включалась не только сельскохозяйственная продукция, но и земли сельскохозяйственного назначения, свободная рабочая сила. Оформилась региональная специализация по производству товарного зерна, технических культур, продукции животноводства, что также способствовало развитию рыночных отношений между регионами. Расширение хозяйственной специализации регионов страны и рост разделения труда между ними, развитие транспортных сообщений, усиливали включение крестьянских хозяйств в рыночные отношения. Они выступают уже как основные поставщики сельскохозяйственной продукции, спрос на которую постоянно возрастал. Не учитывать всех изменений, происходивших в экономике, ни правительство, ни

земства не могли. Требовалась организованная система статистического учета происходивших количественных изменений в сельском хозяйстве.

Во второй половине 1870-х годов в земских губерниях при губернских земских управах начинают появляться статистические отделы, перед которыми была поставлена задача исследовать социальную структуру и экономическое состояние крестьянских хозяйств. Это требовалось, прежде всего, для их правильного налогообложения. Местные налоги являлись финансовой основой деятельности земских учреждений. Другой, не менее значимой, задачей являлась продовольственная безопасность сельского населения. Земствам необходимо было знать материальное положение буквально каждого крестьянского двора, чтобы оказать помощь семенами или продовольственной денежной ссудой в случае неурожая. Помимо этого, статистический учет требовался и для других направлений хозяйственной деятельности земств.

Первоначально в центре внимания земских статистиков находилась крестьянская община. Изучая ее социальную структуру и экономическое состояние, они констатировали ее устойчивость в земледельческих губерниях Поволжья. «Статистические исследования земств многих губерний общинной России, показали, что мужик только потому и держится именно общинной формы землевладения, что она для него — форма выгодная в материальном отношении, что она для него лучший оплот от быстрого обезземеления и обнищания и что действительно она (при существовании коренных переделов) уменьшает и имущественную и нравственную рознь в крестьянской среде», — отмечал статистик Л. С. Личков [5, с. 722]. По мнению другого статистика, В. С. Пругавина, общинная форма владения землей в Поволжье «отличается чрезвычайной живучестью; она поддерживается здесь всем хозяйственным складом крестьянской жизни и имеет вполне обеспеченное будущее» [6, с. 75].

Основной материал по сельской общине Поволжья дали работы самарских и саратовских статистиков. Самарские исследователи, проводя в 1880-е годы подворные переписи крестьянских хозяйств губернии, установили, что всего по губернии из 2278 крестьянских общин «в 2101 общине существует общинная форма землевладения, в 166 — подворная и, наконец, в 11 общинах, — четвертное землевладение» [8, с. 21]. По наблюдениям саратовских статистиков, «подворно-наследственная форма владения землей» в четырех уездах губернии существовала всего лишь в 5 общинах. В остальных — общинная. В Казанской губернии в шести уездах надельные крестьянские земли «почти все» находились в общинном владении. В общинном владении находилась большая часть обрабатываемых крестьянских земель в Симбирской и Пензенской губерниях. И в начале XX века общинная форма землевладения и землепользования продолжала оставаться преобладающей. Проводя оценочные работы в 1900-е годы, земские статистики констатировали относительно прочные позиции общины в Поволжье. Несмотря на то что столыпинская аграрная реформа интенсивнее всего проходила в Самарской и Саратовской губерниях, даже здесь к 1915 году к личному владению перешло менее половины (41%) общинных дворов, а в Казанской, Пензенской, Симбирской губерниях и того меньше. О. А. Сухова, исследуя социальную психологию и менталитет русского крестьянства Среднего Поволжья, обратила внимание, что даже крестьяне южного района Самарской губернии, «наиболее „продвинутого“ в развитии капиталистических отношений, выступали за сохранение общины и уравнительного землепользования...» [10, с. 216]. В ряде населенных пунктов крестьяне обращались к губернским властям с просьбой разрешить им остаться при общинном землепользовании. В начале марта 1909 года в Казани был даже созван съезд земских начальников губернии, на котором предполагалось выработать меры «противодействия растущему обратному движению в общину выделившихся крестьян» [9, с. 276]. И подобных примеров в материалах земской статистики можно обнаружить немало.

Итак, земские статистики утверждали: преобладание общинной формы земельного владения обусловлено исторически сложившейся формой хозяйствования русского

крестьянства, позволявшей не только выжить в суровых природно–климатических условиях и постоянных набегов кочевников, но и стабильно функционировать в качестве хозяйственно–бытового и общественно–правового организма. Кроме того, общинная хозяйственная организация выработала со временем и соответствующую коллективистскую психологию у крестьян, поскольку, как справедливо заметил полтавский статистик И. Я. Анисимов, община полностью отвечала «принципам равенства и справедливости вообще и воззрениям его [крестьянства — С. Л.] на землю в частности» [1, с. 116]. Земские статистики считали сельскую общину гибким социально–экономическим и культурным и организационно–бытовым организмом, который может быть интегрирован в систему капиталистического хозяйства и нормально в ней функционировать. Вместе с тем, они не могли не видеть начавшегося процесса разложения общины под воздействием проникавших в нее капиталистических отношений, социальной дифференциации ее членов. «Признавая полезность общины, и сочувствуя ее положению, я, тем не менее, не считаю себя вправе идеализировать ее современное положение», — писал Л. С. Личков [4, с. 111]. Статистики выделяли такие ключевые, с их точки зрения, причины начавшегося разрушения общины, как отсутствие в ней коренных переделов, являвшихся одним из важнейших показателей прочности общинного землевладения и отношений между ее членами и аграрное, «противообщинное», законодательство правительства.

Вопрос о земельных переделах статистики считали наиважнейшим, поскольку они представляли собой исторически сложившуюся систему регулирования земельных отношений крестьян. Данные земской статистики позволяют выделить следующие главные причины переделов: необходимость уплаты податей, рост арендных цен на землю, распад больших патриархальных семей и, как следствие этого, усиливавшаяся антагонистическая поляризация крестьянства. Наряду с переделами пахотной земли статистики фиксировали и переделы сенокосных и лесных угодий, которые, как ими было установлено, происходили на тех же основаниях, какие приняты для раздела пахотной земли.

Правительственное аграрное законодательство статистики считали еще одним фактором, оказывавшим разрушающее воздействие на общину, особенно 165-ю статью «Положения о выкупе». Согласно ей «отдельный домохозяин» мог выкупить свой участок и потребовать от «общества» его выделения из общинных земель, а мог и не выделять. И в этом для общины заключалось больше опасности, чем просто выкуп, поскольку землю могли выкупить и не члены общины, но не выделять ее, войдя, таким образом, в общину. Некоторые выкупленные участки продолжали использоваться по своему прямому назначению, но большая часть наделов сдавалась в аренду нуждающимся беднякам их новыми владельцами уже по рыночным ценам. На значительной части выкупленных земель новые владельцы строили кабаки, приносящие им немалый доход. Следствием применения на практике 165-й статьи стало значительное повышение выкупных платежей, а это весьма скоро привело к образованию недоимок, размеры которых увеличивались год от года и всей своей тяжестью ложились на общину, но особенно сильно их ощущали на себе слабые в экономическом отношении хозяйства. Все же, думается, земские статистики преувеличивали разрушающее воздействие на общину 165-й статьи «Положения о выкупе», поскольку она не укрепляла земельные наделы в личную собственность.

Исследования земских статистиков выявили и другие факторы, негативно сказывавшиеся на материальном благополучии общины. Это, прежде всего, увеличение арендованных крестьянских земель и уменьшение численности скота в крестьянских семьях. По наблюдениям самарских статистиков, в уездах, богатых плодородной почвой, общины больше арендуют земель, чем сами сдают в аренду. При этом арендуют, исходя из двух противоположных соображений — «с целью производства зерна на продажу» и «в силу необходимости». Земские статистики констатировали, что во всех губерниях Поволжья и в конце XIX, и в начале XX веков, преобладала краткосрочная аренда — сроком на один год. Краткосрочность самым негативным образом сказывалась на плодородии сдававшихся в

аренду, земель. Арендатор относится к ней, «как к чужой земле, поступившей в его пользование лишь на короткое время, смотрит на нее лишь как на временный источник временного дохода, о дальнейшей судьбе которого нечего особенно заботиться. Вследствие этого он не бережет ее, стараясь, притом, сеять хлеб на хлеб и выбирая для сева растения наиболее выгодные, хотя бы они и вели к истощению почвы» [7, с. 13, 33]. Большею частью надельную землю сдавали, «по нужде», «маломощные крестьянские хозяйства». Например, в Саратовском и Царицынском уездах Саратовской губернии «группа сдающих надел составляется, главным образом, из маломощных семей. Все они безлошадны, многие не имеют изб, не имеют и никакого скота» [7, с. 3]. Поскольку преобладающей являлась краткосрочная аренда, то наиболее распространенным, соответственно, была подесятинная плата за арендуемую землю. За землю, сданную на более длительный период времени, арендатор платил за весь участок. При этом, подесятинная плата значительно превосходила участковую. Статистические данные позволяют утверждать: землю арендовали, в разных размерах, как кулаки и бедняки, так и середняки. Если у первых она носила предпринимательский характер, то у вторых — продовольственный. Среди крестьян-середняков преобладала простая товарная аренда.

По вопросу обеспеченности крестьянских хозяйств скотом статистики уже в середине 1880-х годов фиксировали его численное сокращение и эта тревожная тенденция сохранялась. И. М. Красноперов сравнил данные о количестве скота в Самарской губернии в 1867 и в середине 1880-х годов: «Сравнивая между собой данные о скотоводстве 1867 года с данными восьмидесятых годов, в течение которых местным земским статистическим бюро было произведено исследование губернии, мы видим, что общее количество лошадей значительно уменьшилось за этот период: в 1867 году их приходилось на крестьянский двор по 3,2 головы, в 1885 году — 2,7; овец приходилось по 7,1 голов, в 1885 году — 6,3» [3, с. 452]. Земские статистики выделяли следующие причины снижения поголовья скота: 1) сокращение пастбищ, из-за распахивания их и строительства промышленных предприятий, построек иного хозяйственного назначения; 2) периодические неурожаи зерновых, которые заставляли крестьян продавать часть скота «для уплаты повинностей»; 3) падеж скота от «повальных болезней».

Таким образом, можно утверждать, что взгляды земских статистиков на крестьянскую общину, применительно к 1880-м годам, в решающей степени определялись их народническим мировоззрением на крестьянство, которое сформировалось еще в 1870-е годы. С одной стороны, земские статистики беспристрастно фиксировали все качественные и количественные изменения, происходившие в аграрном секторе страны, с другой, пытаясь их анализировать, нередко входили в противоречие с фактами. В 1870-е годы, участвовавшие в народническом движении, будущие статистики видели в общине политическую силу, способную выступить против самодержавного строя. В 1880-е годы они рассматривали ее уже с экономической точки зрения, считая вполне эффективной хозяйственно-бытовой организацией крестьянской жизни, которая может продуктивно функционировать и в условиях капитализма; государству необходимо лишь оказывать ей поддержку.

Статистики не смогли понять сути тех изменений, которые происходили в 1870-е — 1880-е годы в сельском хозяйстве, в частности, интенсивно развивавшегося процесса втягивания села в товарно-денежные отношения, изменения под влиянием этого процесса, крестьянской психологии. Тем не менее, в своих работах, написанных на основе статистического материала, собранного во время подворных переписей и представлявшего собой первоисточник, земские статистики высказывали обоснованные предположения по ряду вопросов сельского хозяйства, имевшие практическое значение. Нельзя не замечать и интерпретаций земскими статистиками тех кризисных процессов, которые протекали в общине. Заслуживает внимания и выделенная ими такая причина «живучести» общины, как коллективное сознание русского крестьянина, который, в отличие от западного не был индивидуалистом, прежде всего, в силу естественных, природно-климатических причин,

формировавших и укреплявших это сознание на протяжении нескольких столетий. Данный вопрос получил свое развитие в трудах современных отечественных и зарубежных исследователей русской крестьянской общины. «Групповое общинное сознание (в значительной мере оно было мифологическим), — констатируют Л. В. Данилова и В. П. Данилов, — пронизывало все сферы жизни крестьянского сообщества. Это было сознание коллектива людей, связанных между собой не только деловыми отношениями, но и эмоциональное сознание, ориентированное на идущие исстари традиции и идеалы. Для крестьянина его община — это целый мир. Недаром русские крестьяне называли общину миром или обществом» [2, с. 26].

Думается, не будет значительным преувеличением заявить, что в трудах земских статистиков по крестьянской общине с наибольшей степенью проявилась прогностическая функция статистики. В этом отношении их работы представляются неоценимыми исследованиями, на которые опирались экономисты, агрономы, историки, государственные и общественные деятели в своих рассуждениях и выводах о будущем сельской общины, в частности, и России, в целом.

Из поволжских статистиков наибольший вклад в изучение сельской общины внесли самарские и саратовские статистики. Задачи, поставленные земствами этих губерний перед своими статистическими учреждениями, были шире тех задач, которые определили земства Казанской, Пензенской и Симбирской губерний. Самарские и саратовские статистики исследовали социально-экономическое положение крестьянских хозяйств своих губерний не только с целью выработки норм для их обложения земскими налогами, но и создания целостной картины жизнедеятельности деревни. Они глубже своих коллег из соседних губерний изучили экономический базис крестьянского хозяйства и его социальную, культурно-обыденную и психологическую надстройку. Вполне естественно, объектом их внимания и самого тщательного исследования стала сельская община. Ее изучение позволило статистикам прийти к выводу о «живучести и гибкости» общины как хозяйственного, культурно-бытового и организационно-правового института функционирования крестьянского сообщества.

Список литературы:

1. Анисимов И. Я. Разложение нашей земельной общины // Вестник Европы. 1885. Кн. 1. С. 111–161.
2. Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX в. в.): материалы международной конференции (Москва 14–15 июня 1994 г.) / отв. ред. В. П. Данилов, Л. В. Милов. М.: РОССПЭН, 1996. С. 22–39.
3. Красноперов И. М. Самарский голод и его причины // Юридический вестник. 1892. Т. X. Кн. 3. С. 450–465.
4. Личков Л. С. Выкупная операция как разрушитель общины // Дело. 1881. №11. С. 107–118.
5. Личков Л. С. К вопросу о разложении поземельной общины // Юридический вестник. 1886. Т. XXI. Кн. 4. С. 714–729.
6. Пругавин В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М.: Типолиотография И. Н. Кушнерева и К⁰, 1888. 297 с.
7. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. II. Царицынский уезд: I. Землевладение в Царицынском уезде: 1) Личное землевладение. 2) Крестьянское землевладение на надельной земле. 3) Формы крестьянского землевладения. II. Крестьянское хозяйство в Саратовском и Царицынском уездах; III. Статистико-экономические таблицы по Царицынскому уезду. Саратов: Типография губернского земства, 1885. 163 с.
8. Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии / сост. И. М. Красноперов, А. С. Любецкий. Самара: Типография губернского земства, 1890. Т. 8. Вып. 1. 365 с.

9. Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. 289 с.

10. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.

References:

1. Anisimov I. Ya. Expansion of our community land. Herald of Europe. 1885. Kn. 1. P. 111–161.

2. Danilova L. V., Danilov V. P. Peasant mentality and the mentality of the community // and agricultural development in Russia (XIX–XX centuries.): Proceedings of the International Conference (Moscow on June 14–15, 1994) / Ed. V. P. Danilov, L. V. Milov. Moscow, ROSSPEN, 1996, pp. 22–39.

3. Krasnoperov I. M. Samara hunger and its causes. Legal Herald, 1892, v. X, Book 3, pp. 450–465.

4. Lichkov L. S. Redemption operation as the destroyer of communities. Case, 1881, no. 11, pp. 107–118.

5. Lichkov L. S. On the question of the expansion of land commune. Legal Herald, 1886, v. XXI, book 4, pp. 714–729.

6. Prugavin V. S. Russian land commune in the writings of its local researchers. Moscow, lithographic I. N. Kushnereva and K⁰, 1888, 297 p.

7. The collection of statistical data on the Saratov province. T. II. Tsaritsyno district: I. The Land tenure in Tsaritsyno district: 1). Private ownership of land. 2) The peasant land tenure on allotment land. 3) Forms of peasant land tenure. II. Farm in the Saratov and Tsaritsyn counties; III. Statistical and economic tables on Tsaritsyn county. Saratov: Typography provincial zemstvo, 1885, 163 p.

8. Consolidated collection of statistical data on the Samara province / comp. I. M. Krasnoperov, A. Lyubetsky. Samara: Typography provincial zemstvo, 1890, v. 8, issue 1, 365 p.

9. Sidelnikov S. M. Agrarian policy of the autocracy in the period of imperialism. Moscow, Publishing House of Moscow University Press, 1980, 289 p.

10. Sukhova O. A. Ten myths peasant consciousness: Essays on the history of social psychology and the mentality of the Russian peasantry (the end of XIX — early XX century.) based on the Middle Volga. Moscow, ROSSPEN, 2008, 679 p.

*Работа поступила
в редакцию 18.10.2016 г.*

*Принята к публикации
22.10.2016 г.*